

Е Цзы открыл глаза. Перед ним было тесное полутёмное пространство. Тусклый жёлтый свет пробивался сквозь маленькие проёмы по бокам и скрещивался посередине, высвечивая кружащиеся в воздухе пылинки. Снаружи уже спустился вечер. Было довольно шумно, то и дело раздавался звонкий детский смех.

Е Цзы, конечно же, знал, где находится, — это место было знакомо ему до боли. В конце концов, в тот год, когда ему исполнилось одиннадцать, всякий раз, когда родители устраивали дома грандиозные скандалы, он брал рюкзак, уходил в этот крошечный парк и прятался под горкой в виде слона. Здесь было тихо, чисто, да к тому же можно было укрыться от ветра и дождя — ну разве не красота?

Он поднял руки и посмотрел на них: так и есть, сейчас ему снова около одиннадцати лет. В то время он уже знал, что не является родным сыном своих родителей, а их брак уже дал трещину.

«Надо же, неужели в этот раз я не потерял память во сне? А это и впрямь удобно», — подумал Е Цзы. Только он собрался вылезти наружу, как вдруг услышал невероятно трогательный, чистый детский голосок, зовущий его по имени:

— А-Цзы! А-Цзы!

Е Цзы оцепенел, но затем поспешно выбрался из укрытия, едва не ударившись головой, и увидел мальчишку лет шести, который, словно маленький хомячок, радостно семенил к нему. Встречный ночной ветер трепал его светлые волосы, которые в тусклом жёлтом свете фонарей казались необычайно мягкими. ??В руке он сжимал горящие бенгальские огни, на его лице сияла лучезарная улыбка. Малыш протянул ему этот сверкающий букет:

— А-Цзы, смотри, твои любимые! Правда, красиво?

Е Чэнси не было и пяти, когда он впервые принёс Е Цзы бенгальские огни. И что же? Ах да, тогда Е Цзы тупо уставился на горящие искры, а потом крикнул ему: «Проваливай! Не подходи!» Но на этот раз его зрение мгновенно затуманилось от слёз. Он опустил голову, глядя на младшего брата, который доставал ему лишь до живота, и кивнул:

— Очень красиво...

Маленький хомячок пришёл в полный восторг.

— А-Цзы, с днём рождения... Ой, осторожно! — взволнованно воскликнул он. Бенгальские огни упали на землю, продолжая с треском рассыпать искры.

Е Цзы почувствовал, что больше не в силах себя контролировать. Его дыхание сбилось, лицо исказила гримаса боли. Сам того не осознавая, он крепко прижал братишку к груди. В носу невыносимо засвербело, лицо и горло пылали огнём, внутри всё сводило от боли, такой невыносимой боли... Лицо маленького хомячка мгновенно залилось румянцем.

— А-Цзы... что случилось? — растерянно спросил он. А затем тут же с тревогой добавил: — Тебя кто-то обидел? Почему ты плачешь?

Е Цзы незаметно утёр слёзы рукавом. Выпустив брата из объятий, он с отсутствующим видом побрёл вперёд. Хомячок побежал следом. Е Цзы обернулся и протянул ему руку. Тот, польщённый до глубины души, вложил свою ладошку в руку Е Цзы и с неподдельным восторгом спросил:

— Братик, это что, Чэнси сейчас снится сон?

Е Цзы горько усмехнулся:

— Возможно, это и впрямь всего лишь сон.

— Э-э? Но я же ещё не сплю! Как можно видеть сны, если ещё не лёг спать?

— Знаешь, иногда сны снятся и наяву. Впрочем, это неважно. Важно другое. Чэнси, а ты знаешь, что произойдёт в этом сне дальше?

— Братик расскажет мне сказку?

Ночь была такой тихой, что даже едва слышный голос Е Цзы, казалось, мог улететь далеко-далеко:

— Считаю, что это сказка.

Одиннадцатилетний Е Цзы вёл за руку своего шестилетнего младшего брата по извилистой дорожке. Тусклый свет жёлтых фонарей растягивал их тени так, что со стороны казалось, будто они уже совсем взрослые.

— Пройдёт десять лет, и ты вырастешь. Станешь очень высоким и красивым.

Личико маленького хомячка озарилось предвкушением:

— Правда? Даже выше а-Цзы?

Е Цзы погрузился в воспоминания, и на его губах заиграла улыбка:

— Угу, будешь выше меня на целых полголовы.

— Честно-пречестно?

— Я тебя не обманываю. Ты будешь учиться в самой лучшей школе, станешь всеобщим любимцем. Папа сделает тебя своим наследником, мама будет тобой гордиться, а одноклассники станут толпами ходить за тобой ...

— А-Цзы, а тебе я таким буду нравиться?

— Будешь. Конечно будешь. Будешь нравиться мне до безумия, очень сильно, — Е Цзы улынулся невероятно нежно. — Настолько сильно, что я захочу проводить с тобой каждый день. Так сильно, что захочу жить с тобой вместе и ни за что не расставаться.

— А-Цзы, ты мне тоже очень нравишься, — снова покраснев, признался маленький хомячок.

Но Е Цзы его поправил:

— Нет, в то время я тебе уже разонравлюсь.

Малыш нахмурил бровки:

— Да как такое возможно...

— Это правда. К тому времени ты влюбишься в одну о-очень красивую девушку с длинными прямыми волосами, любительницу плиссированных юбок. Узоры на её ногтях всегда будут такими изящными. Слегка избалованная, но из очень хорошей семьи, с безупречными манерами, она будет называть тебя «Чэнси-гэ» и повсюду ходить, держа тебя под руку. Вы побываете во многих местах, в очень многих местах...

— Но ведь я люблю братика...

— Тот «ты» уже будешь смотреть на меня свысока. Ха-ха... Ведь у меня ни гроша за душой, ни капли вкуса, да к тому же я не девушка. А в довершение всего — я твой брат, и наша семья никогда этого не примет. Из-за фотографий со мной тебя начнут ругать, а моё признание в любви станет для тебя клеймом позора. Ты разлюбишь меня и очень захочешь от меня избавиться. Перестанешь отвечать на мои звонки, сколько бы раз я ни набирал твой номер. Ты отвергнешь меня и бросишь. Выберешь Не Хайся, свои машины и квартиры, выберешь будущее, в котором для меня нет места... Ты меня не любишь, не любишь, не любишь, не любишь, не любишь, не любишь... Не любишь меня. Не любишь меня. Не любишь меня...

Маленький Чэнси не на шутку испугался. Он стоял перед Е Цзы и с тревогой звал его по имени, но Е Цзы уже был не в силах совладать с эмоциями. Вцепившись обеими руками в волосы, он пятился назад, пока не упёрся спиной в стену и не сполз по ней вниз. Лишь когда пошёл дождь, он наконец поднял голову. Его глаза были совершенно безжизненными и растерянными.

Е Чэнси, всхлипывая, стоял перед Е Цзы и спрашивал:

— А-Цзы, да что с тобой такое? Мне так страшно...

Но Е Цзы, казалось, ничего не слышал. Он посмотрел на него и хриплым голосом спросил:

— Эй, Чэнси, скажи, что мне сделать, чтобы ты навсегда остался со мной? Чтобы не влюбился в кого-то другого? Любил только меня, принадлежал только мне? Что же нужно сделать? М-м? Скажи.

Говоря это, Е Цзы обеими руками поглаживал тонкую детскую шею Е Чэнси. Ощущая, как бешено бьётся его пульс, он почувствовал, что сердце захлёстывает волна дикого восторга. Внезапно, словно одержимый, он коварно усмехнулся:

— Я знаю, что нужно сделать!

— А-Цзы?..

— Убить тебя! Убить тебя!

Не успев договорить, Е Цзы уже сомкнул пальцы на хрупкой шее Е Чэнси, изо всех сил сдавливая её. Сила, с которой он это делал, была силой не одиннадцатилетки, а взрослого мужчины. Маленький, несчастный ребёнок бился и извивался в его руках... В голове Е Цзы взрывались мириады голосов, они кричали, умоляя его остановиться... Но он не мог остановиться, не мог... Потому что всё это было предрешиено. Потому что всему этому суждено было закончиться первого февраля, в его день рождения... Как же это смешно: даже во сне им не суждено быть вместе.

— Господин Е! Господин Е! Господин Е! Очнитесь! Проснитесь!

Е Цзы резко распахнул глаза. Ему потребовалось не меньше двух-трёх минут, чтобы сознание постепенно прояснилось. Женщина в белом халате помогла ему сесть. На её лице читалась искренняя радость:

— Наконец-то вы очнулись, господин Е. Похоже, новые лекарства оказались весьма эффективными.

Е Цзы не обратил на неё внимания, растерянно оглядываясь по сторонам. Белоснежная кровать, белоснежные занавески, светло-зелёные стены, тёмно-зелёный пол, зелёное растение в углу и стопка классической литературы на тумбочке у изголовья. А на нём самом — полосатая пижама. Ах, как же он мог забыть. Это же лечебница. И сколько лет он уже здесь живёт?

— Сколько я спал на этот раз? — спросил Е Цзы.

— С перерывами — больше месяца. Но в этот раз всё прошло лучше, чем раньше. Вы иногда сами вставали с постели, просто были не в себе, словно лунатик. Но раз уж вы очнулись, значит, надежда есть. Господину Е тоже следует поверить в себя. Ах да, ваш младший брат говорил, что приедет сегодня в четыре часа дня! Должно быть, он уже здесь.

— Кто?

— Ваш младший брат, господин Е Чэнси! Он так добр к вам. Несмотря на то что он очень занят на работе, уже десять лет каждый месяц находит время навестить вас несколько раз. Редкая преданность! Вы должны поскорее поправиться, иначе это будет просто несправедливо по отношению к нему!

— Десять лет? Какой сейчас год?

— Две тысячи двадцать третий. Боже мой, вы задаёте мне этот вопрос каждый раз, когда приходите в себя.

Сказав это, медсестра вышла. Спустя какое-то время дверь снова открылась, и в палату вошёл высокий молодой мужчина. Светлые волосы, светлые глаза, вытянутые к вискам, утончённые черты лица, бледная кожа. Однако он отличался от того прекрасного юноши, чей образ хранил в памяти Е Цзы: сейчас его черты были более зрелыми и резкими.

— Ты очнулся, брат.

Ах, даже голос и то, как он к нему обращается, — совсем другие. Голос того человека должен быть куда нежнее. Он называл бы его «а-Цзы» или «братик». Его голос был мягким, словно сахарная вата, а когда он говорил, его глаза лучились любовью.

— Врач сказал, что если продолжать лечение нынешними препаратами и всё пойдёт хорошо, то в следующем году я смогу забрать тебя отсюда.

На лице Е Цзы отразилась растерянность:

— Забрать? Куда?

— В наш дом. Я специально найму сиделку, чтобы она о тебе заботилась.

Е Цзы мельком взглянул на маленькую девочку лет пяти, прятанную за дверью. Она была на редкость прелестна — с такой же бледной кожей и светлыми волосами, как у отца.

Е Цзы равнодушно произнёс:

— Разве это удобно? Ты ведь женат.

— В позапрошлом году мы развелись. Я всё-таки... не могу быть с женщинами...

Е Цзы прервал его:

— А я не могу поехать с тобой.

Е Чэнси опешил:

— Почему?

Е Цзы опустил глаза:

— Потому что ты — не он.

— Он? Кто «он»?

— Ты — не Кролик.

Е Чэнси, конечно же, знал, кто такой Кролик, — призрак, который всё время преследовал Е Цзы. Кажется, этот тип был главным героем почти всех снов Е Цзы!

— Е Цзы, посмотри внимательнее, настоящий здесь я, а Кролик — всего лишь выдумка!

Но Е Цзы оставался непреклонен:

— В этом мире столько всего настоящего и выдуманного. И в чём же разница? Лишь в том, во что ты сам предпочитаешь верить.

Е Чэнси занервничал. Он схватил Е Цзы за плечи:

— Но я же настоящий! Брат! Разве не я тебе всегда нравился больше всех? И ты мне тоже нравишься, иначе я бы не ждал тебя все эти годы...

Е Цзы поднял взгляд на Е Чэнси. Он не плакал и не закатывал истерик. Выражение его лица оставалось совершенно спокойным, а голос звучал тихо:

— Нет, ты не он. Мой Кролик — человек, который любит меня больше всех на свете. Он любит только меня, с самого детства и по сей день. Ради меня он готов отдать всё. Для него существую только я, и выберет он только меня... А ты — ты меня не любишь. Не любишь. Ты

никогда не выберешь меня, и даже если я поеду с тобой, рано или поздно ты всё равно меня бросишь.

— Поверь мне, я больше никогда... — в отчаянии начал Е Чэнси.

Но Е Цзы, словно не расслышав его слов, перевёл взгляд на плотно закрытое окно. На его губах играла слабая улыбка:

— Знаешь, ведь Кролик существует только для меня. Мы вместе смотрели на самые прекрасные фейерверки, на усыпанное звёздами небо, на морские глубины; вместе путешествовали по всему свету и даже переносились в прошлое и будущее. Вместе встречали Новый год, готовили еду, рисовали картины, писали стихи, играли на пианино — так проходил день за днём. И в каждом сне он повторял, что я ему нравлюсь, что он меня любит. Он говорил это бессчётное множество раз, бессчётное множество раз. И всё же... я столько раз поступал с ним ужасно. Я правда безумно сожалею и виню себя. Как я мог во сне раз за разом убивать его? Снова и снова убивать. Почему же так выходило, Е Чэнси? Почему даже во сне всё всегда должно было заканчиваться трагедией? Я хочу увидеть его — хотя бы один-единственный раз. Хочу попросить у него прощения, сказать ему, что я тоже его люблю. Я больше не хочу причинять ему боль. Я хочу остаться с ним навсегда...

Е Чэнси, дрожа, не отрывал глаз от Е Цзы. Ему хотелось сказать так много; попросить прощения за столько вещей, удержать его, но прежде, чем он успел произнести хоть слово, раздался звонкий голосок девочки:

— Папа! Папа! Ну долго ещё? Я есть хочу!

Е Чэнси тяжело вздохнул и сказал:

— Хорошенько подумай над этим. Я приду завтра. — Сказав это, он поднялся и ушёл вместе с дочерью.

Ближе к вечеру на лечебницу снизошло умиротворение. Наступило время ужина, и для пациентов включили приятную, тихую музыку. Поскольку директор клиники был христианином, звучали духовные песнопения. Мягкие детские голоса разносились в воздухе, и в лучах заката белое здание стало нежно-золотым.

Медсестра, болтая с коллегами, с улыбкой направлялась к палате Е Цзы. Заговорив о Е Чэнси, женщины оживились, а потом дружно повздыхали о том, как жаль, что такой шикарный мужчина уже успел жениться. попрощавшись с ними, медсестра открыла дверь палаты Е Цзы.

А затем раздался стук: вещи одна за другой выскользнули из её рук и посыпались на пол. Белоснежная больничная койка пустовала. Окно, прежде наглухо закрытое, теперь было распахнуто настежь. Белый тюль колыхался на ветру, трепеща, словно хрупкие крылья новорождённой бабочки, танцующей в воздушных потоках.

Наступил вечер. Е Цзы в одиночестве пришёл на песчаный пляж. Он стоял и смотрел вдаль, на багровое солнце, медленно уходящее в морскую пучину. В вышине кружили тысячи морских птиц, а по бескрайней водной глади разбегалась оранжево-красная рябь. Этот пейзаж казался колоссальной картиной, написанной маслом, широкими, размашистыми мазками.

Е Цзы думал, что здесь больше никого нет, но вдруг заметил неподалёку Кролика. В свободной белой рубашке и чёрных брюках он стоял босиком у самой кромки прибоя, где вода встречается с песком, устремив взгляд вдаль; его светлые волосы мягко развевались на ветру. Е Цзы ничуть не удивился. Он лишь улыбнулся и направился к Кролику, оставляя на песке

цепочку следов.

— Кролик, — тихо позвал он.

Кролик обернулся и посмотрел на него. Ах, какое до боли знакомое лицо... Каждая его чёрточка, малейшая перемена в выражении — всё было таким родным, вызывало такую безграничную нежность, что заставляло сердце трепетать.

— Ты наконец-то пришёл. А я всё ждал тебя, а-Цзы, — произнёс он.

Е Цзы счастливо улыбнулся, а затем залился лёгким румянцем:

— Знаешь, я всё хотел сказать тебе...

— Что именно?

— Прости меня. Я... вечно делал всё не так и обижал тебя. А ещё... я люблю тебя.

— Я знаю, — улыбнулся Кролик.

Е Цзы поднял голову, выражение его лица стало абсолютно серьёзным:

— Я люблю тебя. Сильнее, чем кто бы то ни было.

— Я знаю.

— Я хочу быть с тобой. Я... я сейчас так хочу тебя поцеловать!

Уголки губ Кролика дрогнули в улыбке. Он ласково обхватил затылок Е Цзы, склонился и нежно поцеловал его. Всё то же до боли знакомое, трепетное прикосновение. Настолько пронзительное, что на глаза наворачивались слёзы. Сердце глухо ныло, сжимаясь от отчаяния, но в то же время переполняясь абсолютным, безграничным счастьем.

Лучи заходящего солнца очерчивали их силуэты. Каждое мгновение, каждое их движение, казалось, замедлилось, замирая, чтобы обратиться в вечность. Разорвав поцелуй, Кролик крепко сжал руку Е Цзы и устремил взгляд на бескрайние морские просторы:

— Море так отчаянно зовёт нас... «Идите ко мне... идите ко мне... идите...» А-Цзы, ты слышишь?

Е Цзы крепче сжал руку Кролика. Конечно, он слышал. Он уже давно это слышал. Его сердце бешено колотилось.

— Тебе страшно?

Е Цзы покачал головой:

— Нет. Ведь как только мы станем частью природы, мы сможем быть вместе вечно. Пока я с тобой, мне ничего не страшно.

— Мне тоже. Тогда пойдём.

— Да.

— Конец —

<http://bllate.org/book/14916/1591955>